

Стихотворения Некрасова, запрещенные для публичного исполнения

Как известно, многие произведения Некрасова доходили до читателей лишь с большими цензурными изъятиями или же вообще не могли увидеть свет.

В последнее время опубликованы многие агентурные донесения о Некрасове, сохранившиеся в архиве III отделения, {С. Макашин. Из розысканий о Некрасове в архивных фондах III отделения и департамента полиции. "Литературное наследство", т. 53--54, Изд. АН СССР, М., 1949, стр. 199--212; В. Архипов. Поэзия труда и борьбы. Ярославль, 1961, стр. 381-396.} систематизированы цензурные дела о его произведениях. {А. Гаркави. Список цензурных дел о произведениях Некрасова. "Русские революционные демократы", т. II ("Уч. зап. ЛГУ", No 229), Л., 1957, стр. 268--285.}

Однако нельзя сказать, что уже полностью исчерпан материал, относящийся к этой теме.

Настоящая публикация имеет целью ввести в научный оборот некоторые новые факты, свидетельствующие о том, с какой постоянной настойчивостью стремились различные органы царского самодержавия воспрепятствовать публичному исполнению стихов Некрасова.

Вопрос о возможности появления того или иного произведения в печати находился в ведении цензуры. Но для публичного исполнения даже опубликованных стихов требовалось в ряде случаев разрешение многих инстанций: прежде всего попечителя учебного округа, нередко губернатора, в провинциях - местных полицейских властей и т. д. А III отделение обычно посылало на литературные вечера и концерты своих шпионов.

И почти всегда, как только речь заходила о произведениях Некрасова, различные представители царской администрации делали все возможное для того, чтобы запретить или затруднить их публичное исполнение. Здесь следует говорить не о случайном произволе того или иного ретивого администратора, но о совершенно определенной политике царизма по отношению к стихам великого русского поэта.

В этой борьбе с поэзией Некрасова принимали участие самые различные представители царского самодержавия - вплоть до самых высокопоставленных сановников: министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции, управляющего III отделением и т. д. Их особенно пугала демократическая направленность произведений Некрасова, их популярность среди "низшего слоя общества", "неблагонадежность в правительственном отношении".

Весьма характерно в этом отношении письмо, с которым Харьковский губернатор обратился 8 января 1867 года в Главное управление по делам печати:

"Известно, - писал губернатор, - что в последнее время вошло в обычай в театрах и других публичных местах чтение различного рода более или менее замечательных стихотворений и беллетристических статей, существующих в печати и одобренных цензурою...

"Но бывает так, что актер выбирает литературные произведения, которые хотя и одобрены цензурою, но, как я полагаю, едва ли удобны для чтения в театрах: одни потому, что оскорбляют слух неприличными выражениями, другие потому, что, будучи читаны на сцене перед публикой, состоящей отчасти из низшего слоя общества, возбуждают вражду сословий (напр., стихотворение Некрасова *"У подъязда"* и т. п.).

"Так как приведенные мною случаи происходили на сцене Харьковского театра и возбуждали неудовольствие на произвольное чтение некоторыми актерами по выбору и

желанию посетителей верхнего яруса, галереи и райка разного рода несоответствующих стихотворений, то хотя с моей стороны и приняты уже меры к недопущению на будущее время чтения некоторых из них, но тем не менее с целью получить более определенные указания, как должно действовать в данном случае и какие из пропущенных цензурою стихотворений не могли бы быть допущены к публичному чтению, - я долгом считаю представить об этом в Главное управление по делам печати". {ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, 1867, ед. 887, лл. 1--2. - Ср. публикацию этого документа в статье Г. В. Краснова "Народная мысль в главе "Последыш"" (Сб. "Истоки великой поэмы", Ярославль, 1962. стр. 161--162).}

На этом письме харьковского губернатора начальник Главного управления М. Н. Похвиснев сделал следующую пометку: "Отвечать на основании циркуляра, что дозволение к печати и произнесение на сцене - два совершенно различных предмета и что на все произносимое на сцене следует представлять разрешение Главного управления". {ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 3, 1867, ед. 887, лл. 1--2.}

Судя по всему, именно чтение стихов Некрасова особенно насторожило харьковского губернатора: не случайно в его письме, кроме упоминания "Размышлений у парадного подъезда", нет никаких других примеров. И восторженное отношение демократической части публики ("посетителей верхнего яруса, галереи и райка") относилось именно к чтению стихов Некрасова; это происходило даже по их "вызову и желанию".

Испуг харьковского губернатора вполне понятен. Он, очевидно, знал, что если о подобных случаях узнает III отделение, ему не миновать серьезных неприятностей. Вот почему еще до получения ответа из Главного управления по делам печати он спешил уведомить, что со своей стороны уже принял меры к "недопущению на будущее время чтения" "разного рода несоответствующих стихотворений".

То, что опасения харьковского губернатора были обоснованы, доказывает случай, который через год произошел в Вологодском театре - также в связи с публичным чтением того же стихотворения Некрасова. На этот раз дело началось по инициативе III отделения, которое обратилось к министру внутренних дел с соответствующим запросом. Министр в свою очередь послал 7 февраля 1868 года вологодскому губернатору следующее отношение:

"В Министерстве внутренних дел получены сведения, что 28 минувшего января в воскресенье на сцене Вологодского театра, переполненного зрителями, был дан водевиль "Барская спесь и Анютины глазки" с целью показать в самом невыгодном свете нравственную сторону помещиков и вообще высшего сословия в сравнении с низшим и что представление это сопровождалось громкими аплодисментами публики верхнего яруса. Затем некто Леонов, находившийся под судом и лишенный по высочайше утвержденному мнению Государственного совета всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и выдержанный в Вологодской тюрьме три месяца, читал на сцене стихотворение Некрасова "Размышления у парадного подъезда". Декламацию этих стихов с ударениями и остановками было прерываемо громкими восклицаниями райка: "правда, правда, bravo!".

"Считая необходимым уведомить о сем ваше превосходительство. покорнейше прошу вас сообщить мне ближайшие по сему предмету сведения".

Рукою г. <министра> прибавлено: "Вообще таких представлений допускать не следует". {ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 2, ед. 1956, л. 126.}

Об этом же министерство официально (для сведения) уведомило Главное управление по делам печати, присовокупив, что указанный водевиль был переведен с французского Д. Ленским.

21 февраля 1868 года вологодский губернатор отвечал Валуеву, что спектакль, о котором шла речь, был разрешен вологодским полицмейстером, "за что тогда же мною [т. е. губернатором] и сделан ему выговор и вместе с тем вменено в обязанность никаких

представлений не допускать на будущее время в театре без моего дозволения". {Там же, л. 144.}

П. А. Валуев сразу же поставил об этом в известность III отделение.

Легко можно представить себе, как долго после этого не разрешалось в вологодской губернии публичное чтение стихов Некрасова...

Прошел ровно год, и снова в III отделение поступила агентурная записка о чтении некрасовских стихов. На этот раз дело происходило в Кронштадте. Правда, агент в своем донесении многое напутал, и это послужило причиной довольно длительной переписки.

"В Кронштадте 16-го сего января 1869 г. в зале Морского собрания дан был концерт под управлением здешней оперной певицы Леоновой.

"Во время концерта в антракте между назначенными на афише пьесами неожиданно явилась на сцену г-жа Климова, фамилия которой, впрочем, не была объявлена публике... Выйдя на эстраду и объявив, что она будет читать одно из новейших сочинений известного литератора Некрасова под названием "Еще тройка", г-жа Климова села на стул. В названном сочинении описывается, как жандарм препровождает на тройке "куда Макар телят не гоняет" молодого политического преступника. Рассказ начинается с того, что тройка с преступником и жандармами остановилась в какой-то деревне и возбудила общее любопытство. Всякий старается объяснить себе, за что и куда везут юношу? Некоторые полагали, что не сделал ли он какого-либо уголовного преступления, но ответа не получают. "Не вздумал ли ты, наконец, вопрошают другие, вводить какие-либо реформы в государстве, менять царей или просто побить какого-либо директора гимназии?". Но и на это ответа не было, а жандарм, испив 9-ю чарку, пьяный ввалился в кибитку, в объятия преступника, - и тройка помчалась опять... "куда Макар телят не гоняет".

"Последнюю фразу, повторенную за каждым стихом, г-жа Климова произносила стоя, с особенно выразительною жестиколюцией, возбуждающею еще больше публику; аплодисментам не было конца, и публика требовала повторения или по крайней мере еще чего-нибудь подобного. Повторить, однако ж, г-жа Климова не решилась и заявила только, что на этот раз она не запаслась более ничем особым, но постарается в непродолжительном времени исполнить желание кронштадтской публики. "Кроме того, читал назначенный уже по афише г. Аристов (надворный советник, столоначальник в Главном штабе). Он начал с стихотворения того же автора "Чарочка", в котором особенно старался выставить рельефно следующее окончание каждой строфы:

Итак, братцы,
Согнутую железною волею спину разогнем
И последнюю
Облитую кровавым потом копейку пропьем.

"Мнение публики на счет этих стихов разделилось: некоторые шикали, другие - аплодировали; последних, впрочем, оказалось более. Вообще же эффект не удался". {ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. 2097, лл. 1--2.}

Легко заметить, что агент (как будет видно из дальнейшего, это был поручик фон Берг) допустил существенную ошибку: стихотворение Минаева он приписал Некрасову. Этой ошибкой воспользовался Аристов, когда ему, очевидно, пришлось оправдываться перед своим начальством. Какому-то сотруднику III отделения было поручено разобраться в этом деле; он стал на сторону Аристова и резко раскритиковал донесение фон Берга. Трудно сказать, почему это произошло: быть может, здесь сыграла роль какая-то конкуренция между агентами III отделения. Во всяком случае автор нового донесения, спасая Аристова, решил во что бы то ни стало противош>ставить Минаева и Некрасова, выгораживая первого и давая весьма нелестную характеристику второму.

"... В донесении поручика фон Берга вкрались ошибки. Так, поручик Берг одно из прочитанных Аристовым стихотворений назвал "Чарочкою", сочинением Некрасова, тогда как оно носит название "Песня работников" и есть произведение Некрасова (ошибка: Минаева, - М. Т.). Об обстоятельстве этом, по-видимому неважном, нельзя умолчать потому, во 1-х, что Аристов, которому, как видно, известна сущность доклада поручика Берга, довольно сильно упирает на это, а во 2-х, что Некрасов и Минаев - две совершенно различные личности: первый не раз уже проявлял свою неблагонадежность в правительственном отношении; второй, напротив, прежде всего и более всего вреден для самого себя; если же в отношении участия его в некоторых случаях и являлось иногда сомнение, - то участие это оказывалось пассивным и всегда, как говорится, - под пьяную руку. Поэтому и в названном стихотворении Минаева "Песня работников" представляется лишь тяжелое положение работника-труженика, труд которого часто поглощается праздными тунеядцами вроде купеческих сынков, тогда как бедный работник терпит с своею семьею нужду...

Словно в нас кровь не играет кипучая,
Словно туда наше сердце не просится,
Где разрастаются рощи дремучие,
Где благовонное лето проносится.

"Стихотворение заключается советом трудиться и терпеть - в надежде на лучшее будущее. Каждая строфа этого стихотворения оканчивается так:

Братцы! дав отдых труду и заботам,
Спины усталые мы разогнем,
И дружно копейку, облитую потом, -
Пропьем.

"Вообще стихотворение это не представляет ничего особенно резкого.

"Совсем не то "Еще тройка" Некрасова: там ярко выставляется направление автора.

5 февраля 1869 г."
{Там же, лл. 8--9.}

Нетрудно заметить, что в этом донесении стихотворение Минаева (перевод из П. Дюпона) истолковано совершенно неправильно: на самом деле речь в нем идет не о "купеческих сынках", а о "барстве спесивом", о "шалых капризах тиранов" и т. д. Недаром это стихотворение было первоначально запрещено цензурой. {Д. Минаев. Собрание стихотворений. Л., 1947. (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 378--340 и 461--462.}

Разумеется, все это делалось вполне сознательно, чтобы рельефнее противопоставить "невинного" Минаева "злодею" Некрасову, который "не раз уже проявлял свою неблагонадежность в правительственном отношении", о чем, по мнению агента III отделения, и свидетельствует стихотворение "Еще тройка", где "ярко выставляется направление автора".

Так при каждом мало-мальски удобном случае III отделение снова и снова подчеркивало свое отрицательное отношение и к личности Некрасова, и к его поэтическим произведениям.

И даже спустя несколько лет после смерти Некрасова, когда III отделение было уже ликвидировано, а его функции перешли к Департаменту государственной полиции, жандармы все еще с величайшим опасением относились к стихам великого поэта. Об этом свидетельствует анекдотический случай с одним губернским прокурором, которому публичное чтение общеизвестных некрасовских стихов стоило прокурорского места. Впрочем, предоставим слово документу.

7 октября 1886 года начальник Уфимского губернского жандармского управления доносил в Департамент полиции о возмутительном (с его точки зрения) поведении прокурора Шарыгина. Дело в том, что 5 октября 1886 года в Уфимском городском собрании был

литературно-музыкальный вечер, на котором с чтением стихотворения Некрасова "Филантроп" выступил уфимский губернский прокурор. Он "с таким пафосом стал кричать на весь зал и цитировать слова: "славен не короной графскою, не приездом ко двору, не звездой Станиславского...", что возбудил всеобщее удивление и сенсацию в обществе, в особенности между инородцами и татарами, также бывшими на этом вечере и по своему неразумению толковавшими многое из сказанного стихотворения так, что в зале и аплодировали, и вызывали "прокурора", и шикали...

"При этом докладываю, - продолжал жандарм, - что прокурор Шарыгин до этого читал Некрасова же стихотворение "Размышления у парадного подъезда", что побудило губернатора сделать ему внушение, но он на это не обратил никакого внимания и прочел "Филантроп", не менее того тенденциозного свойства.

"О чем считаю долгом донести Департаменту полиции.

Начальник управления подполковник Белоцерковский".

Сразу же после того как этот донос был получен в Петербурге, товарищ министра внутренних дел заведующий полицией П. В. Оржевский сообщил его содержание управляющему министерством юстиции Н. А. Манасеину. Хотя Оржевский и не поднимал вопроса о применении каких-либо мер по отношению к злополучному прокурору, судьба последнего была решена. Не дожидаясь даже приезда уфимского прокурора и не потребовав от него никаких объяснений, Манасеин на следующий же день после получения письма от Оржевского отвечал: "Надворный советник Шарыгин вызван мною по этому поводу телеграммою в Петербург и не будет далее оставлен в занимаемой им ныне должности". {ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 534, No 1421, лл. 1--5.}

Если за одно только чтение давным-давно опубликованных стихов Некрасова губернского прокурора (занимавшего как-никак довольно видное место в служебной иерархии) немедленно смещали с должности, то можно себе представить, насколько опасным для царского самодержавия считались некрасовские стихотворения!

В донесении жандармского подполковника очень характерны опасения относительно воздействия Некрасова на "инородцев". Но не менее примечательно и то, что делу о некрасовских стихах придавали весьма важное значение два столь влиятельных представителя царского правительства тех лет, как Оржевский и Манасеин. История с уфимским прокурором ярко иллюстрирует отношение к великому поэту не только провинциального жандарма, но также и высокопоставленных руководителей полицейского сыска и царского суда.

В довершение всего сообщим, что некрасовский "Филантроп", послуживший первопричиной всех бед, был в свое время "безусловно дозволен" к публичному исполнению! Но страх перед Некрасовым заставил ретивых администраторов пренебречь даже официальным разрешением.

Итак, сам по себе факт опубликования того или иного стихотворения Некрасова (и даже порою, как мы видели, "безусловное дозволение" к публичному исполнению) еще не давал никакой гарантии, что стихотворение это может быть беспрепятственно прочитано со сцены. Похвиснев в резолюции на письме харьковского губернатора охарактеризовал существовавшую тогда систему достаточно четко: "Дозволение к печати и произнесение на сцене - два совершенно различных предмета".

Так, Главное управление по делам печати и действовало, запрещая читать со сцены многие из тех произведений Некрасова, которые были уже опубликованы. Например, в январе 1877 года на запрос пензенского губернатора Главное управление отвечало, что стихотворение Некрасова "Внимая ужасам войны" не может быть допущено для чтения во время литературно-музыкального вечера, который предполагали устроить в пензенском театре. {ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 25, ед. 254, лл. 1--2.}

Еще более показательный случай произошел в том же 1877 году. Концерты провинциального артиста Ф. М. Нелидова были поставлены под сомнение только потому, что он читал стихи Некрасова (в том числе стихи, написанные поэтом еще в 40-х годах). 3 апреля 1877 года министр внутренних дел Тимашев писал министру народного просвещения Д. Толстому:

"Из доставленных мне афиш о бывших в г. Устюжне в минувшем марте месяце литературных вечерах, данных артистом Нелидовым с разрешения новгородского губернатора и попечителя казанского учебного округа, выданного еще в ноябре 1875 года, видно, что чтения г. Нелидова состояли из небольших стихотворений и рассказов разных авторов, частью дозволенных драматическою цензурою вполне или с исключениями, а частью запрещенных. К последней категории относятся стихотворения "Огородник", "Эй, Иван", "Нравственный человек", "В дороге", "Пост" и "Барышни". В конце афиш объяснено, что в виду несомненной пользы, которая может быть принесена этими вечерами юношеству, и чтобы облегчить им доступ на эти вечера, плата с них назначается половинная.

"Принимая в соображение, что устройство подобных литературных чтений предпринимается с единственною целию эксплуатации публики, на что указывает самый выбор произведений, и что такие чтения не могут принести ни малейшей пользы юношеству, я долгом считаю сообщить о вышеизложенном на усмотрение вашего сиятельства с тем, не признаете ли вы полезным просить г. г. попечителей учебных округов выдавать разрешения на подобные чтения с большею строгостию в отношении выбора пьес". {Там же, ед. 289, лл. 2--3. - "Пост" - стихотворение А. Чистякова, "Барышни" - Беранже. Кроме упомянутых стихотворений Некрасова, Нелидов читал также "Убогую и нарядную" ("дозволено с исключениями") и "Филантропа" ("дозволено безусловно") (там же, л. 3).}

Вполне естественно поэтому, что артисты, желавшие читать со сцены произведения Некрасова, каждый раз сталкивались с большими трудностями. Об этом свидетельствует письмо к Некрасову известной русской актрисы В. В. Мичуриной (Самойловой). Автограф этого письма был воспроизведен в книге дочери Веры Васильевны - Веры Аркадьевны Мичуриной-Самойловой ("Полвека на сцене Александрийского театра". Л., 1935, между стр. 224 и 225), но по странной случайности эта публикация не была зарегистрирована в литературе о Некрасове. {Пропущено это письмо и в "Библиографии опубликованных писем к Некрасову", составленной Ю. Масановым ("Литературное наследство", т. 51--52, М., 1949). В настоящее время это письмо находится в ЦГАЛИ (ф. 338, оп. 2, ед. 12). О В. В. Мичуриной (Самойловой) см. в упомянутой книге В. А. Мичуриной-Самойловой (стр. 235 и по указателю имен). См. также: В. Крылов. Сестры Самойловы. "Исторический вестник", 1898, NoNo 1 и 2.} Между тем письмо это очень интересно:

"Милостивый государь Николай Алексеевич!

Вас несколько, вероятно, не удивит, что, прочтя Вашу поэму "Русские женщины", мне неотступно хотелось прочесть ее не тайно, но явно, т. е. в концерте, но от многих слышу, что читать ее не позволят, я этому поверю тогда, когда узнаю то же от Вас. Я бы хотела прочесть о Трубецкой - скажите Ваше мнение.

Глубоко уважающая Вас Вера Мичурина".

Некрасов был близким другом артистической семьи Самойловых. {В. А. Мичурина-Самойлова. Полвека на сцене Александрийского театра, стр. 31. - Известно одно письмо В. В. Самойлова к Некрасову (1874), свидетельствующее об их приятельских отношениях ("Литературное наследство", т. 51--52, стр. 483).} Вполне понятно, что В. В. Мичурина (Самойлова), ознакомившись с замечательной поэмой Некрасова, решила обратиться за разрешением возникших у нее сомнений к самому автору. Но характерно, что она "от многих" слышала, что читать поэму не позволят.

Опасения Самойловой были не лишены оснований. Так, спустя несколько лет, в 1880 году попечитель московского учебного округа запретил проведение литературных вечеров в Костроме потому, что в программу этих вечеров были включены и "Русские женщины"

Некрасова. {К числу "неудобных для чтения" произведений попечитель московского учебного округа отнес сочинения Лермонтова "На смерть А. С. Пушкина", "Дума"; Писемского "Всероссийские лгуны"; Некрасова "Русские женщины", "Мать", "Мороз"; из книги "Кобзарь" Шевченко "Утопленница", "Катерина", "Гайдамаки"; Щедрина (М. Е. Салтыкова) "Призраки времени", "Письма о провинции" и т. д. (ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 194, ед. 3, лл. 349, 349 об.)} Настоящая публикация, разумеется, никак не претендует на то, чтобы систематизировать все случаи запрещений публичного исполнения стихов Некрасова. Но и приведенные материалы (относящиеся к 1860-м--1880-м годам) с наглядностью свидетельствуют о постоянном стремлении самодержавия, запрещающего публичное исполнение уже обнародованных стихов поэта, снизить общественный резонанс его поэзии.

Что же касается "Русских женщин", то в 1883 году Петербургский цензурный комитет вынудил составителя сборника "Народные чтения", т. II, Ф. Понятовского изъять отрывки из этой поэмы, "как отличающиеся тенденциозным характером и решительно неудобные в книге для народного чтения: 1. Стихотворение "Княгиня Трубецкая и губернатор", заимствованное из поэмы "Русские женщины", где рассказывается, как каторжные отправлялись по этапу и как губернатор, заглушая в себе голос человеколюбия, мучит княгиню и ставит ей всяческие преграды, исполняя строгое повеление, данное ему свыше. И 2. Рассказ княгини М. Н. Волконской, в котором переданы тревога жены заговорщика, твердой своею любовью и не убоившейся разделить каторжную жизнь мужа". Довольный действиями комитета, начальник Главного управления по делам печати Е. Феоктистов наложил резолюцию: "Вполне правильно" (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 20, ед. 587, лл. 1--2). См. также: А. Гаркав и. Некрасов и цензура. "Некрасовский сборник", т. II. М. --Л., 1956, стр. 456--457.